

«Мими тебе в...»

Чжун Мань лишился дара речи. С трудом сдерживаясь, он процедил сквозь зубы:

— Я говорил много раз: Мими — это имя моей кошки. Меня зовут Куайкуай.

Куайкуай было его детским прозвищем. Лет десять с лишним назад, когда ему было около девяти, он приехал с мамой на летние каникулы. Тогда семья Тан Дэлуна, словно беженцы, только перебралась в деревню Гадань и стала их соседями.

Они с мамой приютили бродячую кошку и называли её Мими. Когда он уходил гулять с котенком и наступало время обеда, мама кричала с порога: «Мими, Куайкуай, возвращайтесь скорее кушать!»

Маленький Тан Кайци, которому тогда было лет пять-шесть, неведомо почему решил, что Чжун Маня зовут Мими. Весь день он бегал за ним с вечно шмыгающим носом и кричал: «Братик Мими, братик Мими...»

Как бы Чжун Мань его ни поправлял, тот стоял на своем.

Вспоминая маленького Тан Кайци, Чжун Мань невольно задался вопросом: интересно, он всё такой же сопливый дурачок или за эти годы что-то изменилось?

Тан Кайци почесал затылок и сказал:

— А я чё-то помню, что тебя Мими звали. Когда нас обручали, в брачном контракте так и было написано: как вырастут, Мими и Эргодань должны пожениться.

Чжун Мань: «...»

Его губы дернулись в усмешке:

— То были детские шутки, не принимай всерьез.

На самом деле тогда он просто подшутил над Тан Кайци: мол, пусть вырастет и женится на кошке!

Тан Кайци, конечно, не стал цепляться за прошлое. Он радушно вызвался проводить Чжун Маня до дома.

Но стоило Чжун Маню сделать шаг, как он почувствовал, что при падении от толчка Ван Чуна

всё-таки подвернул ногу.

— С-с... — он болезненно втянул воздух.

Тан Кайци заметил:

— Ой, ногу подвернул? Погляди на себя: глаз нет, ноги не слушаются — никудышный ты ходок, и слепой, и хромой. Давай-ка, пусть тебя мой Дахуан подвезет.

С этими словами он присел и, подтолкнув широким плечом, не терпящим возражений тоном усадил Чжун Маня на быка.

Чжун Мань даже опомниться не успел, как оказался верхом, а под поясницей ощущался какой-то мешок.

Так вот чье это было цоканье — не лошади, а быка.

Пока Чжун Мань пребывал в замешательстве, Дахуан обернулся, издал протяжное «му» и неспешно зашагал вперед.

— Эй! — Когда бык тронулся, Чжун Мань испуганно вскрикнул.

Тан Кайци, ведя быка под узцы, рассмеялся:

— Ты чего раскричался? Не бойся, у моего быка нрав золотой, не уронит. Я абы кого на него не сажаю, тебе просто повезло: у коровы дядьки из соседней деревни гон начался, Дахуан как раз от неё возвращается, семенил там. Вот я и решил тебя, хромого да слепого, подвезти малость, другим бы не позволил.

Чжун Мань: «...»

Тан Кайци даже не заметил двусмысленности своих слов. Посмотрев на повязку на глазах Чжун Маня, он добавил:

— А с глазами-то что? Давно ослеп? Десять лет не виделись, а ты всё такой же худой. Что ж ты за жизнь-то вел? Видать, хуже, чем я в деревне.

Слова «хромой да слепой», повторенные дважды, задели Чжун Маня. Будучи острым на язык, он не собирался это так оставлять.

Он слегка усмехнулся и ответил:

— Ты своего быка на панель отправляешь подрабатывать, так что твоя жизнь немногим лучше моей.

Тан Кайци не сразу сообразил, о чем речь, но поняв, тут же возразил:

— Ой, ну и гадости же ты говоришь! Какая панель? Случка это, понимаешь?

Чжун Мань похлопал по мешку у себя за спиной и спросил:

— Ты лучше скажи: плату-то взял?

Тан Кайци поправил мешок:

— Ну, взял макухи да отрубей быка кормить. Не за бесплатно же моему Дахуану корячиться?

Чжун Мань холодно усмехнулся:

— Какая разница? Взял товар — сэкономил на корме. Ничем ты от старого сутенера не отличаешься.

Тан Кайци: «??»

На мгновение ему и впрямь стало стыдно перед Дахуаном. Бык на нем пашет, а он его ещё и «продавать» водит. Тан Кайци даже захотелось пасть перед быком на колени и просить прощения!

* * *

Ван Чун по дороге домой изрыгал проклятия в адрес Чжун Маня. Но не проехал он и десяти километров, как почувствовал зуд в предплечье — как раз там, где его схватил Чжун Мань. С недоумением закатав рукав, он увидел крошечный след от укола, вокруг которого уже расплылось багровое пятно.

Следом накатила дурнота, стало трудно дышать, тело налилось свинцовой тяжестью — он едва удерживал руль.

«Проклятье, забыл слова второго молодого господина... Этот Чжун Мань коварен и хитер, мастерски орудует иглами, он ведь даже на самом себе опыты ставил, оттого и ослеп».

У Ван Чуна уже не было сил нажать на тормоз. Слишком поздно он понял, что попался.

Грохот!

«Сантана» съехала в придорожную канаву, полную липкой грязи.

* * *

Тан Кайци доставил Чжун Маня на быке к самому дому и помог ему спуститься.

Услышав, как Тан Кайци открыл дверь, Чжун Мань, полагаясь на детские воспоминания, перешагнул порог и последовал за ним внутрь.

— Гав-гав-гав!

— Кря! Кря! Кря!

— Ко-ко-ко, ко-ко-ко...

— Га-а-а! Га-а-а!

В один миг двор наполнился разноголосицей: Чжун Мань различил лай собаки, крик уток, кудахтанье кур и гогот гусей. Он невольно заметил:

— У тебя тут... довольно шумно.

Словно в зоопарке.

Тан Кайци привязал быка и взял Чжун Маня за руку, ведя в дом. Попутно отгоняя щиплющихся гусей, он пояснил:

— Батя с мамкой и старшим братом в город на заработки уехали. Я тут один на хозяйстве: и поле пашу, и птицу всякую ращу на продажу.

Чжун Мань не видел, но отчетливо представлял царящий во дворе переполох. Вдруг нога наступила на что-то вязкое. Он потер подошвой о землю.

Тан Кайци бросил:

— Пустое, это куриный помет. Ополоснешь потом, и ладно.

Чжун Мань: «...»

Наконец они вошли в дом. Тан Кайци усадил гостя и радушно налил ему воды.

Чжун Мань сразу перешел к делу:

— На сколько лет моя мать сдала вам дом?

Раньше он не вникал в эти дела, а после смерти матери и вовсе забыл о существовании этой недвижимости. Теперь же, когда идти было некуда, оставалось только жить здесь.

У семьи Тан Кайци когда-то был свой дом по соседству, но Чжун Мань помнил, как десять с лишним лет назад там случился пожар, уничтоживший всё дотла. Огонь едва не перекинулся на их дом, к счастью, люди не пострадали.

О причине пожара семья Тан молчала, но Чжун Мань был уверен: без Тан Кайци там не обошлось.

Тогда Тан Дэлун, с почерневшим от копоти лицом, подвесил сына на дереве и всыпал ему по первое число.

Тан Кайци ревел белугой, сопли тянулись на метр. Только когда старший брат, Тан Кайцэ, в слезах начал умолять отца, тот сжалился.

Прошло столько лет, интересно, отстроили ли они свое жилье?

— На сколько лет? — растерянно переспросил Тан Кайци. — Этого я не знаю. Давай я бате позвоню да спрошу, пойдет?

Чжун Мань кивнул:

— Хорошо.

Тан Кайци уточнил:

— Ты, значит, решил вернуться и здесь жить?

Сделав глоток воды, Чжун Мань ответил:

— Да. Кстати, вы свой дом-то построили?

Он догадывался, что нет, иначе Тан Кайци не устраивал бы зоопарк в чужом дворе.

— Не-а, — виновато произнес Тан Кайци. — Батя говорит, на дом прорва денег нужна, а у нас нету. Они в городе уже несколько лет пашут, а всё никак не накопят.

Он вздохнул, теребя пальцы. Если бы не тот случай в детстве... Семья бы не оказалась в таком положении. Брату уже за двадцать, а он до сих пор не женат — всё из-за него.

Чжун Мань засомневался: трое взрослых работают несколько лет и не накопили на сельский дом? Странно. Он слышал, что построить крепкий кирпичный дом в деревне стоит не больше тридцати тысяч. Где же они работают? На каторге?

<http://bllate.org/book/18973/1864231>